

Фото: Steve Halama / Unsplash

10.01.2019, 13:25 **Вся Россия**

СТАТЬИ

8 книг про тюрьму, которые стоит прочесть

Рассказываем о восьми книгах, посвященных тюрьме. Среди них — книги современных активистов, советских диссидентов и брата неслучившегося кандидата в президенты России.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

«ТРИ С ПОЛОВИНОЙ», ОЛЕГ НАВАЛЬНЫЙ

И вот настал день долгожданного выхода в свет. Наконец-то можно было посмотреть на зону, в которой мне предстояло провести больше трех лет. Но сначала — еще один терминологический экскурс. Мне очень много раз пришлось объяснять собеседникам по переписке, есть ли какая-то разница между зоной, лагерем, тюрьмой, колонией и т. д. Не то чтобы этот ликбез обязателен для понимания книги, но все же, думаю, общее представление будет не лишним. По крайней мере, есть знания куда бесполезней (например, откуда у Валерия Леонтьева столько рыбацких сетей для сценических постановок).

Обложка книги Олега Навального «Три с половиной» / Издательство Individuum

Брат Алексея Навального написал книгу про то, как и почему он оказался в зоне, как там ему жилось, что делал осужденный Чубакка и чем отличается «порядочный» образ жизни от «непорядочного». В общем и целом эта книга про то, как себя может развлечь современный неглупый москвич в провинциальном лагере, при условии, что зона более-менее нормальная — то есть там нет всеобъемлющего беспредела. Навальный рассказывает, что тюрьма может быть смешной, веселой, забавной. Особую ценность представляют подробные памятки, посвященные быту в СИЗО и колонии — как правильно оформлять «малявы», «настраивать дорогу», делать шахматы из хлеба и стоит ли мыться в бане голым.

«КОРРЕСПОНДЕНТ ГАСКАРОВ В АДУ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ», ПЕТР СИЛАЕВ

Мы целыми днями вышагивали по бетонному двору с наркодилерами и налетчиками, играли в настольный теннис, в «двадцать одно», грызли яблоки, но мысли мои были далеко — в вечно заснеженном аду Можайского централа, где очевидные бандиты и злодеи хотят мучить меня в течение следующих 13 лет. Зачем? Почему эти люди вообще есть? Ну, вот посадят они меня, даст им Стрела (бывший мэр Химок Владимир Стрельченко) премии — а дальше-то что? Что они с ними будут делать? Ну, поедут на шашлыки, напьются, будут стрелять из табельного оружия — а дальше что? Тьма.

Обложка книги Петра Силаева «Корреспондент Гаскаров в аду и другие истории» / Издательство common place

Петр Силаев, он же Петя Косово, он же DJ Stalingrad, он же Пит — автор «Исхода», евангелия антифашистского ультранасилия нулевых. Власти России считают его организатором погрома администрации Химок в 2010-м, когда триста или четыреста по-летнему одетых людей пришли порисовать граффити на стенах учреждения и пострелять из травматов. Сам Петр на эти обвинения ответил бы что-нибудь в духе: «У этого погрома не было ни единого шанса не случиться, ведь сама ситуация вела к нему». Силаев уехал в Европу, чтобы не оказаться за решеткой, и стал писать тексты о своих приключениях в разных странах, об испанской тюрьме, о беспорядках, об анархистах и Интерполе. Открывает сборник записанный Петром рассказ его друга Алексея Гаскарова, который на некоторое время попал в можайский СИЗО по подозрению в участии в химкинской истории. В изоляторе он испытал все радости общения с подментованными блатными. Предисловие к книге Гаскаров писал из СИЗО «Бутырка», где оказался в рамках уже «Болотного дела».

«КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ», ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

От голода наша зависть была тупа и бессильна, как каждое из наших чувств. У нас не было силы на чувства, на то, чтобы искать работу полегче, чтобы ходить, спрашивать, просить... Мы завидовали только знакомым, тем, вместе с которыми мы явились в этот мир, тем, кому удалось попасть на работу в контору, в больницу, в конюшню — там не было многочасового тяжелого физического труда, прославленного на фронтонах всех ворот как дело доблести и геройства. Словом, мы завидовали только Шестакову. Только что-либо внешнее могло вывести нас из безразличия, отвести от медленно приближающейся смерти. Внешняя, а не внутренняя сила. Внутри все было выжжено, опустошено, нам было все равно, и дальше завтрашнего дня мы не строили планов.

Обложка книги Варлама Шаламова «Колымские рассказы» /
Издательство New York Review Books

«Колымские рассказы» — наверное, самая страшная и честная книга про ГУЛАГ. Шаламов отсидел на Колыме 16 лет, а в общей сложности в советских лагерях он находился 19 лет, с недолгим перерывом. Главными уроками, о которых он и писал свои рассказы, были холод, голод и обесчеловечивание зеков. Спустившись в этот круг безысходности, по мнению Шаламова, невозможно вынести что-то полезное или светлое для себя, остаться нетронутым, устоять перед испытаниями. Ничего хорошего в лагере нет и быть не может, Колыма растирает в порошок и труху людей, их убеждения и мысли, заменяет их физиологическими потребностями и отупением. Побывав в сердце ГУЛАГа, Шаламов при этом всю последующую жизнь упрямо избегал роли диссидента,

антисоветчика. И много спорил с Солженицыным, называя его «орудием холодной войны».

«RIOT DAYS», МАРИЯ АЛЕХИНА

Она сказала, что пришла в храм, начала протирать подсвечники и потом увидела «какие-то действия». «Какие действия?» — уточнил прокурор. «Подпрыгивания, четкие спланированные подпрыгивания», — ответила свечница.

Обложка книги Марии Алехиной Riot Days / Macmillan Publishers, Metropolitan Books

Мария Алехина собрала клочки воспоминаний про ту самую акцию в храме, суд и тюрьму и соединила в книжку, которую можно прочесть за полтора часа. Эта книжка из того времени, когда банда Pussy Riot еще не стала брендом и состояла из панкушек, целующих сотрудников милиции в метро. Тогда в России все говорили слово «революция», чтобы потом начать говорить слово «амнистия». С Алехиной можно немного посмеяться и можно, конечно, погрустить — из-за тюрьмы, из-за людей или из-за того, что всеобщая наивность тех лет осталась в прошлом. Особенно интересно, что книга о женской тюрьме — такой литературы на русском языке меньше, чем о тюрьме мужской. Так что можно считать Riot Days еще одним манифестом русского феминизма. Причем манифест этот довольно нескучный.

«ЕДУ В МАГАДАН», ИГОРЬ ОЛИНЕВИЧ

Была пятница, трое в камере заболели гриппом. Всю ночь трясло; температура, озноб. Наутро сходили к врачу,

он выписал таблетки. Вечером дёрнули меня и Молчанова со всеми шмотками. Наученные горьким опытом, мы выложили книги и другие тяжелые вещи. Как обычно, спустили в спортзал, но почему-то шагом и без рёва. Подозрительно тихо. Ничего хорошего это не предвещало. Кешер и пакеты выворачивают, сваливая содержимое в одну кучу. Ожидание, босиком на бетонном полу, голым. Началось: «Собрать вещи!», «живо!», «что непонятно?!», «живее!», «я сказал!!!», «бегооооом!!!!».

Обложка книги Игоря Олиневича «Еду в Магадан» /Издательский кооператив «Радикальная Теория и Практика»

30 августа 2010 года двор посольства России в Минске закидали коктейлями Молотова. Ответственность за это взяла неизвестная до этого группа анархистов «Друзья свободы». Акция выражала протест против преследования левых активистов в России и солидарность с российскими политическими заключёнными. Игорь Олиневич — один из тех, кого белорусский КГБ счел виновными в этой атаке. Олиневич оказался в изоляторе КГБ в центре Минска — в печально известной «американке», а потом — на зоне с восьмью годами срока. В декабре 2010-го бессменный президент Беларуси Александр Лукашенко переизбрал себя на очередной срок, а к Олиневичу так или иначе присоединились практически все кандидаты в президенты и многие активисты оппозиционных движений. Лукашенко заявлял о происках польских и немецких спецслужб. Интересно, что Олиневича задержали сначала в Москве сотрудники ФСБ, и только потом его передали коллегам из Беларуси. «Еду в Магадан» — это книга о белорусских тюрьмах, которые так похожи на российские.

«ДНЕВНИК», АЛИ ФЕРУЗ

Трудно дышать. В спецприёмнике сидят два типа людей: те, кто смирился с арестом и ждут, когда их отправят домой, и те, кто не согласен с арестом и не хотят мириться с условиями содержания. Вторые — люди малообщительные и предпочитают сидеть в сторонке. Эти два типа людей пересекаются во время прогулки, но не замечают друг друга. Одни играют в футбол, смеются, а когда забивают гол — танцуют. Другие сидят на скамейке и озабоченно смотрят по сторонам.

Обложка книги Али Феруза «Дневник» / Иллюстратор Наталья Ямщикова

Али Феруз (Худоберди Нурматов) — журналист «Новой газеты», гей, из-за интереса к нему узбекских спецслужб оказавшийся в ЦВСИГе — Центре временного содержания иностранных граждан, по сути — в тюрьме для эмигрантов. Али родился в Узбекистане, откуда ему пришлось уехать из-за того, что местные спецслужбы пытались его завербовать, а потом подвергли пыткам. Там ему до сих пор угрожают пытки и, вероятно, смерть. В августе 2017 года российские власти задержали Феруза и приняли решение о высылке в Узбекистан, и только экстренное вмешательство журналистов, правозащитников и Европейского суда по правам человека в Страсбурге остановили этот процесс. В ЦВСИГе Али провел семь месяцев, после чего Россия позволила ему выехать в Германию. Его небольшая книжечка, разбавленная рисунками — отрывки дневника о внутренних переживаниях и о людях, сидевших вместе с Али в ЦВСИГ.

**«МОИ ПОКАЗАНИЯ», АНАТОЛИЙ
МАРЧЕНКО**

Однажды к нам приехал лектор, и зэки завели с ним спор-разговор о положении в лагерях.

— Да чем же у вас плохо? — возмутился лектор.

— Стадион, волейбол, библиотека, полным-полно цветов!

— Вы забыли, что на могилах тоже растут цветы, — ответил ему заключенный Родыгин.

Обложка книги Анатолия Марченко «Мои показания» / Иллюстрация А. Русака

Анатолий Марченко написал свою книгу в 1967 году, после первых восьми лет в Карагандинском исправительно-трудовом лагере. Тогда он оказался ненадолго на свободе, после чего снова отправился в лагерь, теперь уже на десять лет. Пробыв на воле три года, Марченко снова был осужден на десять лет лагерей и пять лет ссылки в 1978 году. На свободу он уже не вышел.

В 1986 Марченко объявил голодовку с требованием освободить всех политических заключенных Советского союза, голодал 117 дней и умер. Тогда у власти уже был Горбачев, который провозглашал «демократический социализм», шел первый этап перестройки. «Мои показания» — жуткая книга о послесталинских политических репрессиях и о тюрьмах, в которые попадали жертвы этих репрессий.

«НАДЗИРАТЬ И НАКАЗЫВАТЬ», МИШЕЛЬ ФУКО

О том, что наказание вообще и тюрьма в частности принадлежат к политической технологии тела, я узнал не столько из истории, сколько из настоящего. В последние годы во всем мире произошли тюремные бунты. В их целях, лозунгах, в том, как они развивались, было, несомненно,

нечто парадоксальное. Бунты против всего состояния физического убожества, сохраняющегося более столетия: против холода, духоты и скученности, против обветшалых помещений, голода и избиений. Но также бунты против образцовых тюрем, против транквилизаторов, изоляции, медицинского обслуживания, воспитания. Были ли это бунты, преследующие чисто материальные цели? Или противоречивые бунты: против обветшалости и упадка, но и против удобств, против надзирателей, но и против психиатров?

Обложка книги Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать» / Совместная издательская программа Ad Marginem с музеем «Гараж»

Считается, что тюрьма стала общим местом в Государстве благодаря тому, что она очевидно более гуманна, чем смертная казнь или пытки. Однако, по мнению Мишеля Фуко, повсеместная победа тюрьмы связана в первую очередь с тем, что изменился сам механизм осуществления власти над человеком. Новая Власть претендует на полный контроль всей деятельности подданных, а значит — хочет добиться всеобъемлющей власти над телом человека. Власть проповедует дисциплинарность и требует полного соответствия этой дисциплинарности — в тюрьме, армии, школе, больнице или на заводе с оптимизированным производством. Сложно отрицать, что при работе над «Надзирать и наказывать» Фуко использовал свой опыт «Группы информации по тюрьмам» (ГИТ) — инициативы, у истоков которой он стоял. Задачей ГИТ было донести голос французских заключенных до общества, рассказать о проблемах содержащихся в тюрьмах. «Мы хотим знать, что представляют собой тюрьмы: кого и как отправляют туда, за что, что там происходит...», — писал Фуко в манифесте группы.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ